

ГЛАВА 4

КАВКАЗ В КАНУН НАЗНАЧЕНИЯ И. И. ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА

«В Самом Отечестве Нашем Поднялась Смута» — так было сказано в высочайшем манифесте от 18 февраля 1905 г., появившемся в связи с теми событиями, которые сотрясали Россию на исходе 1904 г. и ознаменовали начало 1905-го.

Россия была охвачена стачечным движением, в которое были вовлечены основные экономические центры страны. Особенно широкий размах оно получило в Прибалтике, Польше и на Кавказе. Последний по масштабам революционного движения среди национальных окраин империи по праву мог считаться первым. Здесь уже прошли массовые выступления пролетариата Баку в 1903 г. (первая всеобщая политическая стачка в Закавказье) и в 1904 г.

Не менее массовыми на Кавказе, с его запутанностью аграрных отношений и острым малоземельем местных крестьян, были крестьянские выступления. Крестьянская реформа на Кавказе не могла быть равнозначной для разных его частей, в силу субрегиональных особенностей аграрного строя. Так, в пределах Азербайджана и Армении отсутствовало крепостное право, а землевладение и землепользование основывались на обычном праве. В Грузии, напротив, крепостнические отношения были кодифицированы в законодательстве и других памятниках грузинского права. В Азербайджане же и Армении, согласно мусульманскому праву, земли принадлежали Аллаху, поэтому превалировало казенное землевладение. Оно сосредотачивалось в руках хана (дивана-казны) и раздавалось им на различных условиях землепользования: привилегированному сословию — аналогу российского дворянства. По этой причине крестьянская реформа в Азербайджане и Армении практически установила временные обязанности, а не освободила от них крестьян в частновладельческой деревне, причем ход выкупных операций свидетельствовал о ее провале¹. Число безземельных и малоземельных крестьян в казенной деревне составляло более половины: от 50,8 % в Бакинской губернии до 62,5 % в Эриванской. О преобладании этой социальной группы крестьян говорят также данные и по Кутаисской губернии, в некоторых уездах которой удельный вес малоземельных и недостаточно обеспеченных земель крестьян доходил до 70–80 %².

С начала пореформенного периода Кавказ (Предкавказье) превращается в один из основных районов миграций русского крестьянства из внутренних губерний России. Правительство, борясь с аграрным перенаселением, вынуждено было специальными законодательными актами 80-х — 90-х гг. открыть «клапан» для переключения переселенческого движения не только в пределы Северного Кавказа, но и Закавказья

Однако уже к началу XX в. становится очевидным аграрное перенаселение прежде осваиваемых районов на самом Кавказе. В этой связи правительство направляет переселенческие потоки с территорий Предкавказья в Восточное Закавказье, его степные районы, где создаются компактные массивы русских переселенцев. Однако в ходе землеотводных работ по созданию переселенческих участков власти пренебрегли правовой стороной землепользования местного крестьянства, зиждившейся на обычном праве. Так, с присоединением края к России пастбища, служившие кормовой базой для кочевого скотоводства, были причислены к казне, оставаясь, тем не менее, в землепользовании крестьян-кочевников. Отсутствие же в сфере кочевого хозяйства надельного землепользования в глазах правительства не могло служить препятствием для отвода пастбищных земель в колонизационный фонд. Таким образом, правительство, своей переселенческой политикой вторгаясь в сферу земельных отношений местного крестьянства, создавало путаницу, провоцируя тем самым конфликты между русскими переселенцами и азербайджанскими крестьянами-кочевниками.

Наибольшую огласку получил случай, который произошел в Бакинской губернии в связи с размещением русских переселенцев на землях, принадлежавших кочевому обществу «Алар». Крестьяне были выселены принудительным образом, без обеспечения земель, на произвол судьбы, что не могло не вызвать столкновения между местными крестьянами и переселенцами. В том же ряду стоял конфликт между ингушами аула Яндырка и казаками близлежащих станиц, в пользу которых были переданы земли ингушей. Подобные случаи не были единичными³.

В контексте системного кризиса, поразившего Россию в начале XX в., одной из его существенных составляющих стали межэтнические конфронтации. Накопившиеся проблемы социально-экономического, политического порядка нередко являлись той почвой, которая порождала напряжение среди местного населения на окраинах, и оно выплескивалось в различного рода протесты, все более принимавшие формы межэтнических конфликтов. Но если во внутренних губерниях России они были единичными и локальными, то на территориях с дисперсным расселением этносов образовывались ареалы хронической конфликтности и конфликтности⁴. География их была достаточно обширной, и уровень этнической конфликтности постоянно повышался. Следует отметить также набравшее силу погромное движение в России, особенно поразившее ее западные губернии, пик которого пришелся на 1905 г.

Территория Кавказского края составляла 415 234 кв. верст и являла собой географо-климатическое многообразие, сочетавшее высокогорье и степные пространства, лесные массивы и равнины. По численности населения он занимал 2-е место в Российской империи, лишь незначительно уступая ее европейской части — на Кавказе проживало около 7,5 % всего населения России (9 289 364 человека). Плотность населения равнялась в среднем 200 человекам на кв. версту, однако, в условиях субрегиональных особенностей, она колебалась от 56 до 328 человек на кв. версту⁵.

Хозяйственно-экономическая карта Кавказа характеризовалась большим разнообразием и полярностью: от экстенсивного кочевого хозяйства до высокоразвитого капиталистического, пестротой социальных отношений и бытовых укладов.

Кавказ отличали полиэтничность и большая языковая дробность населения — в его пределах проживало более 50 этносов. Этому способствовало и разнообразие

религиозных верований. Здесь исповедовали основные конфессии и их разновидности: христианство (включая православие и католицизм, протестантизм, армяно-грегорианскую церковь, сектантство), мусульманство и иудаизм.

Складывавшиеся веками историко-культурные традиции способствовали формированию соответствующего мировосприятия, миропонимания у каждого из этносов, населявших Кавказ.

В процессе инкорпорирования Кавказа в состав империи власть стремилась унифицировать систему управления, распространяя на край российские административно-правовые институты. Однако местные особенности, в недостаточное понимание которых она неизменно упиралась, приводили либо к их незавершенности, либо к непредсказуемым последствиям.

Кавказ управлялся в соответствии со сложившейся имперской формулой — «полное слияние окраин с империей», в основе которой лежал геополитический фактор, равно значимый как для самой России, так и для Кавказа.

При всех проявлениях колониалистских устремлений самодержавия необходимо характеризовать его политику в целом как лишенную этноцентристских приоритетов. Главным было укрепление общей для империи государственности (этатизм). Региональная административная власть большей частью делала установку на сохранение традиционных общественных институтов, национальных обычаев, противясь их резкой ломке.

Забегая вперед, отметим, что длительный процесс слияния Кавказа с империей, включавший в себя совокупность хозяйственно-экономических, социально-политических, этнодемографических, культурных и прочих аспектов взаимодействия, по существу, так и не был завершен к концу правления династии Романовых.

Обострение национального вопроса в Российской империи к началу XX столетия стало предметом осмысления, обсуждений, практических действий. Правительственная власть, общественно-политические деятели с разных позиций искали пути выхода из сложившейся в национальном вопросе критической ситуации. В лексиконе тех лет все чаще звучали термины «автономия», «федерация». В 1-й Государственной Думе образовалась партия автономистов. Стала совершенно очевидной необходимость законодательного оформления новых подходов власти к национальному вопросу. Появляется указ от 12 декабря 1904 г., обещающий пересмотр в ближайшее время положения «инородцев» и «иноверцев»⁶.

Национальный вопрос был органически связан как с проблемой взаимоотношений народов, населявших Россию, так и с политическим правовым статусом, тем самым — с проблемой государственного устройства многонациональной империи. Представители различных общественно-политических направлений, партий — от крайне правых до левых — пытались по-своему ответить на эти вопросы. Важным было осознание необходимости скорейшей разработки законодательных актов, отражающих этноконфессиональную структуру российского общества⁷.

В 1904 г. в Париже состоялся конспиративный съезд представителей различных народностей и русских политических партий. Принимавший в нем личное участие П. Н. Милюков отмечал весьма общий и умеренный характер их требований. На съезде присутствовали делегаты от грузинских социалистов и федералистов и армянской партии революционной федерации. Декларация съезда провозгласила принципы самоопределения народностей, свободы национального развития, гарантирован-

ной законом, требование о прекращении «насилий русского правительства над различными национальностями»⁸.

Вопрос о правах национальностей обсуждался на заседаниях московских земских съездов в 1905 г. При этом ставился он в контексте будущего России — быть ли ей свободной федерацией самостоятельных штатов (или кантонов) или совокупностью автономных областей и провинций, или же остаться единым нераздельным государством. На съезде прозвучала одна весьма важная мысль: «Россия не станет спокойной и свободной, пока в ней не осуществится на широких началах федеративное устройство»⁹.

Весной 1905 г. выборные представители армянского населения всего Закавказья выработали петицию для подачи в Совет министров и кавказскому наместнику. В числе выдвинутых требований — бессловное самоуправление и земства — от самоуправляющейся мелкой земской единицы до общественного Земского собрания с правом законодательной инициативы. При этом было обращено внимание на то, что межнациональные отношения, как и вообще культурно-экономические вопросы Закавказья, могут найти «наибольшее соответственное и компетентное разрешение лишь при условии установления организованного единства всего южного Кавказа»¹⁰.

Наиболее репрезентативным был съезд автономистов и федералистов, прошедший в ноябре 1905 г. в Петербурге. На нем собрались представители азербайджанцев, армян, белорусов, грузин, евреев, киргизов, латышей, литовцев, поляков, татар, украинцев и эстонцев. Съезд высказался прежде всего против централизации законодательства и управления, недопустимой в государстве, столь обширном, разнообразном и сложном в экономическом, религиозном и национальном отношениях, как Россия.

Было обращено специальное внимание на национальные меньшинства, не проживавшие компактно на одной определенной территории. Как говорилось в заключении съезда, общегосударственной конституцией устанавливаются такие нормы, которые обеспечивали бы национальному меньшинству и любой народности неприкосновенность ее национальных прав и интересов. Реализация этого тезиса возможна лишь при системе национального представительства в парламенте, местных сеймах. Наконец, съезд считал необходимым «создание союза народностей в целях взаимной поддержки в борьбе за национальные права»¹¹.

Национальные стремления мусульман были публично сформулированы Всероссийским мусульманским союзом, основанным во время Нижегородской ярмарки летом 1905 г. Союз требовал отмены существовавших для мусульман гражданских ограничений, равноправия, свободы культурного развития, образования местных медресе и т.п.¹² Отметим, что на его съезде не поднимались вопросы, связанные с автономизацией, не говоря уже о наличии каких-либо сепаратистских настроений.

В различного рода публикациях анализировались причины, истоки и формы национальных движений, в том числе в компаративном плане: Австро-Венгрия, Германия, Польша, Финляндия, Прибалтийский регион, украинский вопрос, Кавказ. Применительно к национальным регионам России были неизбежны попытки прогнозирования будущего российской государственности¹³.

Весьма симптоматично появление центральных периодических изданий с такими названиями, как газета «Окраины России» (СПб., 1906–1912) и сборник «Вопросы колонизации» (СПб., 1907–1916). В ходе революции 1905–1907 гг. все монархические

организации стали уделять особое внимание национальным движениям, видя в них реальную угрозу разрушения целостности России. «Борьба с сепаратизмом окраин» — одна из популярных тем правой печати. Помимо «Союза русского народа» возникали националистические организации и печатные органы, подчинявшие свою деятельность исключительно задаче борьбы с «инородческим засильем». Так была основана газета «Окраины России», на основе которой было создано «Русское окраинное общество» (1908). Как заявили учредители, наблюдая за «шатанием власти» в деле управления окраинами, общество видело свою задачу в содействии властям в укреплении позиций правительственной политики.

Наряду с этим следует отметить и появление органов периодической печати, которые стремились занять нейтральную позицию, возвышая свой голос равно в защиту как русского, так и коренного населения. В 1906 г. во Владикавказе была основана ежедневная политическая и общественная литературная газета. Как сообщалось в анонсе в связи с подписной кампанией на 1914 г.: «„Голос Кавказа“ был основан восемь лет назад в разгар революционной смуты, охватившей всю Россию и с особенной силой проявившейся на Кавказской окраине <...>. „Голос Кавказа“ с первых же дней своего существования являлся газетой <...> поставившей своей целью охрану интересов русского населения края и подданных России инородцев и поддержку <...> государственного дела на Кавказе».

В публикациях того времени нередко ставился вопрос: каким образом в России, несмотря на давнее присоединение к ней «инородческих окраин», еще существуют национальные проблемы. Рассматривая этот вопрос в историческом ракурсе, в совокупности всех факторов — социально-экономического, политического и культурного, ряд авторов называл в качестве решающей причины национализм в царствование Александра III, пришедший на смену либеральному курсу 60-х — 70-х гг. XIX в. «Осложнению и обострению наших окраинных вопросов, — писал Г. А. Евреинов, — в значительной степени содействовала наступившая после реформ шестидесятых годов всесторонняя в правительственной политике реакция <...>. Национальная идея, в качестве отвлеченной тенденции, а не идейной основы практической политики, направила политическое настроение наших ретроградов в сторону ограничения прав инородцев или уравнивания всех в общем бесправии»¹⁴. П. Н. Милюков отмечал: «К началу XX века русский национализм в союзе с правительственной властью успел в корню испортить добрые отношения, какие начинала создавать в среде наиболее сознательных национальностей* русская государственность в течение столетия». По убеждению Милюкова, «Русский национализм стал агрессивным и официальным; и ответом на него был такой же агрессивный национализм пробуждавшихся окраин»¹⁵.

С изменением социальной структуры азербайджанского общества связано развитие национального самосознания, преломлявшегося сквозь призму идей панисламизма и пантюркизма. В первом случае — вследствие традиционной этноидентификации азербайджанцев с мусульманами, во втором — этногенетической и языковой общностью с турками. Основной формой выражения национальных интересов буржуазии стали петиционные кампании. Их характерной особенностью было единство платформы с мусульманами России. В условиях армяно-азербайджанской конфронтации

---

* Подразумеваются преимущественно народы Закавказья.

возникали националистические организации, нередко прибегавшие к террористическим актам¹⁶.

Азербайджанская национальная элита принимала активное участие в организационном единении мусульман. Эта объединительная тенденция сыграла роль в консолидации мусульманских депутатов в Государственной Думе как единой партии. Следует отметить, что в платформе мусульман не просматривается никаких сепаратистских тенденций. Напротив, они рассматривали себя в общности со всеми народами России, в процессе демократизации государственного строя как основы для восстановления своих прав.

Национальные требования грузин выражала партия социалистов-федералистов, пропагандировавшая идею автономии, самоопределения и самоуправления в пределах грузинской территории. «Идея эта, — писал известный грузинский историк З. Д. Авалов, — является <...> действительной и первой по времени попыткой формулировать грузинский национальный вопрос, как вопрос об организации в интересах народного процветания грузинского самоуправления в рамках российского государства». Но, как отмечал Авалов, практически программа федерализма если чем и грешила, то «безмерностью своих требований, а также сложностью и крайним оптимизмом предпосылок (федерация Российская, Кавказская и т. п.)»¹⁷.

Изначально острие национальной борьбы армян было направлено против Турции для освобождения турецкой Армении. В этой связи среди армян преобладала партия сепаратистов — «Дашнакцутюн» (к которой мы еще вернемся). Однако, несмотря на правительственные преследования, армяне смотрели на Россию как на свою необходимую и естественную союзницу в этой борьбе. Закавказье они хотели видеть, в целом, как составную часть русской федеративной республики, независимую во внутренних делах, но связанную с Россией в вопросах защиты государства, внешней политики и т. п.

Национальный вопрос на Кавказе закономерно упирался в проблему управления им. Каждая из исторических эпох по-своему отвечала на этот вопрос. Создание кавказского наместничества (1844 г.) предполагало развитие внутрирегиональной системы управления, временная ликвидация наместничества (1882), напротив, предполагала его жесткую централизацию. Колебания власти в своих политических воззрениях на Кавказ, оставляя, в данном случае, в стороне тенденции исторического развития России в общеимперском масштабе, в большей степени наталкивались на его внутрирегиональные особенности. Не последнее место в этом ряду занимал образ самого Кавказа, его восприятие в массовом сознании, не исключая и верхи. Прошло не одно столетие существования Кавказа в составе Российской империи, но оказался невероятно живучим сложившийся стереотип: «Для так называемой „большой публики“, — писал редактор книги «Формы национального движения в современных государствах», — Кавказ заслоняет собой все местные различия и оттенки, как бы значительны они не были. За „Кавказом“ большинство не различает ни Грузии, ни Армении, не говоря уже о какой-нибудь Чечне или Дагестане. Грузин, кабардинец, закавказский турок (или татарин) сливается на расстоянии в один расплывчатый шаржированный образ „кавказца“, „восточного человека“, с такими атрибутами, как акцент, черный цвет волос и, по возможности, кинжал»¹⁸.

Наибольшую опасность для власти на Кавказе представляли набиравшие силу межэтнические конфликты, перманентно возникавшие в исторически сложившихся контактных зонах.

В начале февраля (6–10) 1905 г. страна содрогнулась от кровавого межэтнического конфликта, получившего в истории известность под названием «армяно-татарская резня»^{*}.

Возникшая спонтанно, она, тем не менее, явилась следствием тех процессов, которые происходили в регионе на рубеже XIX–XX столетий.

Азербайджанцы и армяне относились к самым многочисленным этносам на Кавказе: первые составляли 16,2 % (1 509 785 человек), вторые — 12,04 % (1 116 458 человек) всего населения. Численность армян возрастала на протяжении XIX в., в связи с их репатриацией в пределы Кавказа после русско-турецких войн первой трети века и присоединения Карсской области после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Расселялись эти народы по территории Кавказа как компактными массами, так и дисперсно, при этом, в большинстве случаев, соседствуя друг с другом.

В Закавказье располагалась их преобладающая часть: азербайджанцы составляли около трети его населения, а армяне — менее четверти. Азербайджанцы в численном отношении преобладали в Бакинской и Елизаветпольской губерниях (около 60 % жителей), а армяне — в Эриванской (более 50 %), но при этом удельный вес их в той же Елизаветпольской губернии был достаточно высоким — более трети населения губернии. Примерно таким же был удельный вес азербайджанцев (около 38 %) среди жителей Эриванской губернии.

Статистика расселения азербайджанцев и армян чрезвычайно важна, т. к. она помогает понять и объективно оценить те коллизии, которыми были отмечены и надолго омрачены контакты этих двух этносов. Следует обратить особое внимание на их сословно-этнодемографическую стратификацию.

К началу XX столетия азербайджанцы продолжали оставаться в большинстве своем сельскими жителями. В Закавказье они составляли около четверти городского населения края (23,0 %), но среди самих азербайджанцев удельный вес горожан достигал немногим более 10% (11,4 %). Наиболее ощутимой была их численность в городах Бакинской (17 %), Елизаветпольской (9,3 %) и Эриванской (7,8 %) губерниях. Армяне составляли треть (30,3 %) всех городских жителей края. В процентном отношении численность городских жителей среди всего армянского населения была максимальной в Эриванской губернии (58,4 %), затем в Карсской области (43,9 %), Елизаветпольской губернии (36,9 %), Тифлисской (33,0 %), Бакинской (13,6 %) и т.д.¹⁹

Перемены в социально-экономической жизни края на рубеже XIX–XX вв., обусловленные в значительной степени нефтяным бумом 70-х гг., усилившаяся урбанизация внесли изменения в социальную и этнодемографическую стратификацию населения края. Национальная буржуазия и пролетариат — знамение нового времени, проявление интенсивно совершавшейся поляризации общества.

В Бакинском нефтепромышленном районе возникли крупнейшие нефтяные монополии, соперничество между которыми окрашивало их взаимодействие в тона межэтнического недружелюбия. А укрепление позиций армянских предпринимателей, издавна инкорпорированных в купеческое сословие, усугубляло его.

Бакинский нефтепромышленный район аккумулировал огромное количество рабочего люда, устремлявшегося сюда не только из окрестных мест, но и внутренних губерний России, соседнего Ирана. В канун первой русской революции численность

---

^{*} Татарами называли азербайджанцев, населявших Закавказье.

бакинского пролетариата достигала 80 тыс. человек, при этом он был разнообразным по своему этническому составу и вероисповеданиям. Здесь трудились представители 29 национальностей, из которых без малого 50 % составляли азербайджанцы, более четверти — русские и немногим менее четверти — армяне²⁰. Поставленные в тяжелые экономические условия, социально ущемленные, они оказались восприимчивыми к идеям социал-демократии, быстро распространившимся в крае под воздействием российских социал-демократических организаций.

Однако во всем спектре сложившихся в крае проблем весьма важным фактором следует считать политический. Речь идет о поведении власти, о необдуманных действиях правительства, ущемлявших гражданские права азербайджанцев и армян, что приводило к непредсказуемым последствиям.

Так, на города Закавказья были распространены городские положения 1870 и 1892 гг., определившие неравные избирательные квоты при выборе гласных для христианского и нехристианского населения. Число гласных от нехристиан ограничивалось квотой $\frac{1}{3}$ от общего количества гласных. И хотя это ограничение избирательных прав предназначалось для еврейского населения, впоследствии оно было распространено на магометан Закавказского края, которые в ряде его городов составляли преобладающую часть населения. А это сказывалось на сословно-социальном представительстве азербайджанцев, по существу узаконивая их национальное неравенство в органах общественного управления. Ограничение числа гласных в составе городской думы и членов городской управы из нехристианского населения против христианского большинства в таком этнически пестром крае, как Кавказ, уже само по себе создавало обостренно-болезненную ситуацию при решении тех или иных вопросов жизни горожан, придавая конфликту религиозно-национальную окраску. В городах участились конфликты на бытовом уровне.

Кавказская администрация заявила о необходимости уравнивания прав магометан и христиан-армян по участию в образовании городских дум и городского общественного управления. Совершенно неожиданно в 1888 г. появляется указ, уравнивавший в городах Закавказского края число гласных в органах городского самоуправления для нехристиан и христиан. Однако этот выбивавшийся из общего политического контекста эпохи контрреформ законодательный акт не мог просуществовать долго. Последовавшее в 1892 г. городское положение, пожалуй, одно из самых реакционных, ликвидировало квоту 1888 г., установив общий для всех городов империи предел числа нехристиан — $\frac{1}{5}$ общего числа гласных. Впредь избирательная квота для христианского и нехристианского населения становится камнем преткновения при попытках распространения городского положения 1892 г. в городах Кавказского края²¹.

В ряду опасных тенденций, проявившихся на Кавказе в начале XX столетия, прежде всего должна быть названа активизация деятельности армянской националистической партии «Дашнакцутюн» («Союз»)²². Усилению влияния партии на население способствовали два обстоятельства. Первое: в 1901 г. был издан закон, приписывавший до 75 тыс. беженцев-армян из Турции к городам Закавказского края. А это означало появление в крае обездоленных людей, социально неоднородных и жесточенных в силу сложившихся обстоятельств — как правило, эта категория людей потенциально являлась носителем наиболее экстремистских проявлений социального протеста. Как подчеркивал И. И. Воронцов-Дашков, не прошло и года, как городское и сельское население стало попадать под влияние партии «Дашнакцутюн»,

основной ареал деятельности которой находился в Турции, но с появлением беженцев из Турции идеи партии были экспортированы в пределы России. Второе: принятый в 1903 г. по инициативе кавказской администрации (в лице ее главы кн. Г. С. Голицына), в качестве ответной меры на террористическую деятельность партии «Дашнакцутюн», закон о конфискации имущества армяно-грегорианской церкви и закрытии армянских школ был справедливо воспринят как акт национальной дискриминации. Когда в Баку был назначен сбор имущества армянской церкви, завязалась рукопашная схватка между полицией и собравшейся толпой. Такие же столкновения имели место в других местах Закавказья: Елисаветполе, Тифлисе, Шуше, Эриване, Эчмиадзине и др.²³ Как следствие, произошло усиление позиций и других партий, созданных для освобождения армян турецко-подданных из-под власти Турции и создания автономного государства.

В ходе революции 1905–1907 гг. партия «Дашнакцутюн» радикализировалась, была создана российская программа — «Кавказский проект», предусматривавший создание Закавказской демократической республики в составе Российской Федерации путем вооруженной борьбы с самодержавием. На четвертом общем собрании партии (Вена, 1907 г.) была принята программа, в которой «Дашнакцутюн» объявлялся «партией армянского трудового класса». На Кавказе должна была быть образована союзная демократическая республика в составе свободной России, связанная с ней федеративными отношениями, на основе всеобщего избирательного права; провозглашено равенство всех народов и религий, уничтожение классовых привилегий. Выдвинутая партией социально-экономическая и культурная программа включала в себя также преподавание в школах на родном языке с обязательным изучением русского языка как общегосударственного²⁴.

Национальные требования грузин, по численности занимавших второе место среди населения Кавказа (1 350 255 человек — 14,5 % всех жителей) ярче всего проявились в требовании о восстановлении автокефалии (самоуправления) грузинской церкви. Толчком к выдвижению этого требования, находившегося в сфере канонического права и подлежавшего компетенции Священного Синода, послужили восстания крестьян, отказавшихся платить духовенству «драмовый» налог. Объявленный духовенству бойкот к 1905 г. охватил почти все сельское население Кутаисской и Тифлисской губерний. Экономическое и правовое положение грузинской деревни, инициировавшее также и антиклерикальные выступления крестьян, с одной стороны, стремление грузинской церкви к ее обособлению, с другой — таковы были наиболее характерные черты революционного движения в Грузии.

На окраины империи проникали движения, распространявшиеся во внутренней России: упоминавшееся уже социал-демократическое, а также русское националистическое, которое вовлекло в сферу своего влияния различные слои русского населения.

В начале февраля 1905 г. телеграфные агентства России передали с далекого Кавказа сообщения, взбудоражившие страну. В Баку произошли события, вошедшие в историю под названием «армяно-татарская резня».

Непосредственным поводом к ней послужили два убийства, породившие в городе слухи об их преднамеренности. Об этом сообщала газета «Кавказ» уже 11 февраля 1905 г. Стихийно возникшие беспорядки, убийства и поджоги быстро распространились по городу, вспыхивая в различных его частях и перекидываясь на нефтепромыс-

ловые пригородные районы Баку. Необходимо отметить, что в армяно-татарском конфликте были и другие этнические компоненты — всколыхнулась вся городская чернь. Об этом сообщали следовавшие одно за другим телеграфные обращения к правительству и местным властям: «Процессия хулиганов русских татар сопровождаемая казаками городовыми подожгла армянские дома <...> хулиганы совместно солдатами городовыми грабят, убивают» и т. п.²⁵ Бывший губернатор Тифлисской губернии кн. Г. Д. Шервашидзе, узнав о событиях на Кавказе, охарактеризовал их следующим образом: «Там полный хаос <...>, — писал он своему другу великому князю Николаю Михайловичу. — Под предлогом вражды между армянами и азербайджанцами резали кто кого хотел. Освободительное движение выражается на Кавказе всеобщим грабежом». Позже Шервашидзе вернется к этой мысли под впечатлением убийства известного грузинского поэта и общественно-политического деятеля Ильи Чавчавадзе: «Откровенно говоря, я не вижу оснований радоваться такому состоянию государства; преисправно бьют православный люд, и все сидят как на иголках в ожидании того, что будет. Из газет выношу впечатление, что в России хотят резаться <...>. Я откровенно заявляю, что наши грузины отличились. Во славу освободительного движения, до которого они так лакомы, как поприща для осуществления своих благородных инстинктов, они, среди белого дня, зарезали моего старинного приятеля Илью Чавчавадзе, своего популярного поэта и общественного деятеля. — Впрочем, отдаю им справедливость, что для этого подвига они выбрали самое подходящее место, а именно: берег Арагвы, той Арагвы, которую он всю жизнь воспевал в патриотических поэмах». (Из письма великому князю Николаю Михайловичу)²⁶.

Что касается бакинских событий, то прекратить их удалось лишь в результате совместных усилий армянского и мусульманского духовенства при участии влиятельных лиц города обеих национальностей. Было устроено два шествия по городу, возглавляемые бакинским губернатором М. А. Накашидзе (он будет убит террористом через четыре месяца). 18 февраля высочайшим повелением Баку и Бакинская губерния были объявлены на военном положении. Во время февральских событий было убито 269 человек (из них армян — 224, азербайджанцев — 41 и русских — 4) и ранено 220 (в том числе армян — 95 человек, азербайджанцев — 87 и других национальностей — 38). Однако цифры эти нельзя признать точными. Одна из причин заключалась в том, что многие из убитых и раненых, особенно из мусульман, были унесены и скрыты родственниками.

В Баку был командирован сенатор уголовного кассационного департамента А. М. Кузминский, свояк Л. Н. Толстого. В беседе с корреспондентом газеты «Русское слово» А. М. Кузминский изложил свое понимание возложенной на него миссии — дать всестороннюю оценку тех причин, в результате которых «разразились кровавые февральские события, взволновавшие весь мир»²⁷. Основные итоги своей инспекции Кузминский изложил во «Всеподаннейшей записке, содержащей главнейшие выводы отчета о произведенной в 1905 году, по высочайшему повелению сенатором Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии». (СПб., 1906). Вывод сенатора был однозначным: в основе конфликтов как в Баку, так и в местности «Алар», лежали причины социально-экономического порядка, вызванные сложившейся в обществе социальной полярностью с неравными позициями того или иного этноса в сфере хозяйственно-экономической. Посетив кочевое общество «Алар», Кузминский был поражен увиденным: «Положение их, — отмечал он в своем отчете

те, — производило удручающее впечатление»²⁸. Его ревизия позволила сделать еще один весьма важный вывод.

А. М. Кузминский отметил растерянность и бездействие властей, не только не предотвративших назревавшие события, но и оказавшихся неспособными справиться с ситуацией. Кроме того, он назвал «чудовишной» версию о провокационной роли администрации — правительства, возникшей и особенно популярной в революционно настроенных слоях общества, поскольку это давало им повод к новым антиправительственным выступлениям. Против подобной версии существовал и весьма веский аргумент: в результате февральских событий была парализована экономическая жизнь Бакинского нефтепромышленного района и поставлены под угрозу интересы крупнейших российских и иностранных монополий, что нашло отражение в документальных материалах²⁹.

* * *

В 1905 г. правительство было вынуждено восстановить упраздненное в 1882 г. кавказское наместничество. 26 февраля 1905 г. последовал именной указ «О восстановлении должности наместника». Восстановление наместничества означало не только возвращение к прежней архаической структуре управления, но и своего рода приятие необходимости изменения национальной политики, ее поливариантности применительно к окраинам империи.

В канун восстановления наместничества Николаю II был подан весьма любопытный документ: «Записка о затруднениях, встречаемых Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, вследствие неполноты представленной им власти и зависимости от Министерств, а также о необходимости учреждения на Кавказе наместничества». «Записка» анонимная, было высказано предположение об авторстве Воронцова-Дашкова. В числе прочего автор связывал упразднение самостоятельного управления с возникновением на Кавказе сепаратистских тенденций. В этой связи ставился вопрос о восстановлении должности наместника³⁰.

Как и прежде, наместник наделялся особыми полномочиями как в гражданской, так и в военно-полицейской сферах управления. Кавказский наместник являлся членом Государственного Совета, членом Совета и Комитета министров; главнокомандующим войсками, расположенными в пределах наместничества и войсковым начальным атаманом Кавказских казачьих войск. Однако вскоре, 3 мая 1905 г., полномочия наместника в области гражданского управления были еще более расширены: ему представлялась большая независимость по отношению к центральным органам власти, по гражданской части он подчинялся непосредственно царю, а по своему положению приравнивался к министрам. С созданием же так называемого «объединенного правительства» в лице Совета министров, в состав которого наместник не был включен, глава кавказской администрации юридически оказался вне сферы влияния Совета министров³¹. Столь значительные масштабы функций кавказского наместника позволяли ему быть более автономным при принятии решений, и это стало возможным благодаря личному доверию Николая II Воронцову-Дашкову.

Трудно сказать, кому первому пришла мысль о назначении на пост главы кавказской администрации гр. И. И. Воронцова-Дашкова. Это мог быть С. Ю. Витте: «Я советовал назначить графа Воронцова на Кавказ после Шереметева, — вспоминал

Вите, — когда назначили Голицына. Если бы его назначили тогда, то не произошел бы весь сумбур, который наделал Голицын, и теперь Кавказ был бы гораздо спокойнее. Граф Воронцов человек немудреный, но благородный, честный, благонамеренный»¹. Но, скорее всего, это мог быть сам император Николай II, который, как мы помним, еще в 1896 г. обращался к мысли поставить Воронцова во главе кавказской администрации. Быть может, решение государя укрепилось и после настоятельных рекомендаций со стороны генерал-адъютантов кн. З. Чавчавадзе и кн. И. Амилахвари — однокашников Воронцова-Дашкова еще по Кавказской войне. По их мнению, Воронцов более, чем кто-либо другой, обладал качествами, отвечавшими требованиям того времени. Во главе управления Кавказом должен был стоять человек уравновешенный и недюжинного ума, смелый, с независимым характером, дальновидный и, наконец, волевой, с добрым сердцем, «легко воспринимающий и понимающий душу Кавказа»². Таков взгляд на нового правителя Кавказа «изнутри».

Начальник канцелярии министра двора (при В. Б. Фредериксе) А. А. Мосолов дал следующую интерпретацию отставки Воронцова: «Перемещение графа Воронцова-Дашкова <...> наместником на Кавказ, происшедшее не без влияния Александры Федоровны, оттолкнуло от нее многочисленных родственников и все окружение этой в высокой степени великосветской семьи»³.

В царской семье считали, что Воронцов-Дашков принял эту должность «из преданности»⁴. Существовала, кажется, альтернатива его назначения на пост главы администрации в другой части империи — в Царстве Польском. Как явствует из письма генерал-адъютанта кн. И. Амилахвари Воронцову-Дашкову, назначению в Варшаву воспротивилась его жена⁵.

Родовитый сановник, выдвинувшийся в эпоху Александра III, занимавший видные государственные посты, человек с большими материальными средствами, с заслуженной репутацией, в возрасте, когда покончено с честолюбивыми помыслами, бросает все удобства своей почтенной жизни и обрекает себя на деятельность в должности, быть может, одной из труднейших во всей российской бюрократической иерархии. И когда Воронцов-Дашков принимает назначение, сдается, двигало им не только чувство преданности, но и масштабы его личности, понимание им своего гражданского долга. Несомненно одно: в условиях ситуации, сложившейся к тому времени на Кавказе, требовалась сильная административная власть, с широкими полномочиями, способная действовать оперативно, но при этом с учетом местных особенностей края.

1. Более подробно см.: *Исмаил-Заде Д. И.* Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX — начало XX веков. М., 1982. С. 156–157.

2. Там же. С. 172–173.

3. Там же. С. 178–180.

4. *Гатагова Л. С.* Межэтнические отношения // Россия в начале XX века. С. 143.

5. Исчисления произведены по данным «Общего свода по Империи результатов разработки

^{*} В период ликвидации кавказского наместничества должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа попеременно занимали генерал-адъютант гр. С. А. Шереметев (1890–1896) и генерал кн. Г. С. Голицын (1897–1904). В салоне Богданович еще осенью 1889 г. поговаривали, что великий князь Владимир Александрович отказался от назначения на Кавказ.

данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. II. СПб., 1905. С. 42–43, 48–49, 55.

6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II (далее — ПСЗ (II)).

7. Зорин В. Ю., Аманджанова Д. А., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственной Думе России. М., 1999. С. 12–15.

8. Миллюков П. Н. Национальный вопрос. (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). [Б. м. изд.], 1925. С. 163.

9. Евреинов Г. А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. СПб., 1908. С. 3.

10. Авалов З. Армяне // Формы национального движения в современных государствах / Под ред. Кастильянского. СПб., 1910. С. 523–525.

11. Евреинов Г. А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. С. 5–6.

12. Миллюков П. Н. Национальный вопрос... С. 170–171.

13. См. например: Формы национального движения в современных государствах; Евреинов Г. А. Автономия Царства Польского. СПб., 1906; Миллюков П. Н., Берендтс Э. Н. К финляндскому вопросу. СПб., 1910. Объем литературы был таков, что потребовалась его библиографическая систематизация: Рубакин Н. А. Национальный вопрос // Среди книг. М., 1915. Т. III. Ч. 1. С. 109–189. Перманентно вспыхивающий интерес к национальным проблемам России, тем не менее, продолжает оставаться предметом постоянного внимания исследователей. Особенности российской империи породили многообразие форм и типов национализма, национальных движений, а следовательно, вытекающую отсюда необходимость изучения отдельных национальных феноменов. См., например: Канпелер А. Образование наций и национальных движений в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 398.

14. Евреинов Г. А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. С. 1–2.

15. Миллюков П. Н. Национальный вопрос... С. 159–160.

16. История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960. С. 585.

17. Формы национального движения в современных государствах. С. 491.

18. Там же. С. 471.

19. Более подробно см.: Исмаил-Заде Д. И. Население городов Закавказья в XIX — начале XX в. М., 1991. С. 220–224.

20. Казиев М. А. Из истории революционной борьбы бакинского пролетариата (1895–1910). Баку, 1956. С. 16, 144–145.

21. Более подробно см.: Исмаил-Заде Д. И. Население городов Закавказья... С. 192–196.

22. Более подробно см.: Кирокосян Н. Б., Оганесян Э. В. Энциклопедия отечественной истории. М., 1994. Т. 1. С. 676–677.

23. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. Документы и материалы. М.; Л., 1961. С. 699.

24. Кирокосян Н. Б., Оганесян Э. В. Энциклопедия отечественной истории. Т. 1.

25. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Л. 10, 17.

26. ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 429. Л. 55 об., 60 об.—61.

27. Газета «Русское слово». 1905. 5(18) мая. № 120; 12(25) мая. № 126.

28. РГИА. Ф. 1535. (Ревизия сенатора А. М. Кузминского г. Баку и Бакинской губернии. 1905 г.). Оп. 1. Д. 1. Л. 512. Отчет более пространен, чем «Всепопданнейшая записка».

29. Источник. 1995. № 5. С. 48–65.

30. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998. С. 471–472.

31. ПСЗ. (III). Т. 25. СПб., 1908. № 25891; № 26166. См. также: Флоринский М. Ф. Совет министров и кавказское наместничество в 1905–1914 гг. // Вестник ЛГУ. 1984. Серия «История — язык — литература». Вып. 1. № 2. С. 25.

32. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 247. Л. 11–12.

33. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 92.

34. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 2. Д. 862. Л. 1–2.

35. ОР РГБ. Ф. 5811. К. 2. № 19. Л. 7.